

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное учреждение культуры
«Архангельский государственный музей деревянного
зодчества и народного искусства «Малые Корелы»

**МАЛЫЕ
КОРЕЛЫ**
музей деревянного зодчества
новые ценности – из збрен традиций

Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 45-летию музея «Малые Корелы»
(Архангельск, 8 – 11 июля 2009 года)

к 1420771

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Архангельск
Музей «Малые Корелы»
2010

5. *Даль В.* Толковый словарь живого русского языка: в 4 т. / В. Даль. – М.: Русский язык, 1978. – Т. 2.
6. *Кривошеев Ю.В.* Религия восточных славян накануне крещения Руси. – Л.: Знание, 1998.
7. Обыкновенный слепыш [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. – [Б. м.], Б. г. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%B1%D1%8B%D0%BA%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BF%D1%8B%D1%88.
8. *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
9. *Шутиков А.А.* Предания, обычаи, заговоры, суеверия и ворожба среди населения Кадниковского уезда: этнографический материал // ВГВ. – 1886. – № 26.

*О.Н. Болгова,
аспирант кафедры литературы ГОУ ВПО «Поморский
государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск*

Календарные обряды и праздники на страницах газеты «Архангельск» (1907 – 1916 годы)

✓ Большую роль в сборе информации о русской традиционной культуре на протяжении XIX – начала XX веков играли научно-популярные периодические издания, такие, как «Живая старина», издававшаяся с 1891 по 1916 годы Этнографическим отделением Императорского русского географического общества в Санкт-Петербурге, и «Этнографическое обозрение», основанное в 1889 году как печатный орган Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Публикации фольклорно-этнографических материалов содержали и губернские издания. Одним из таких изданий является газета «Архангельск», впервые вышедшая 11 января 1907 года.

Цель нашей работы заключается в выявлении локальных особенностей статей и заметок, посвященных календарным праздникам и обрядам Архангельской губернии. Данная цель определила следующие задачи: выделить публикации о календарных праздниках и обрядах в газете «Архангельск»; отметить особенности их подачи корреспондентами; показать, какую роль на страницах газеты выполняли публикации о календарных праздниках.

Следует отметить, что интересующие нас материалы присылались в редакцию корреспондентами, передавались членами Архангельского общества изучения Русского Севера, Церковно-археологического комитета и публиковались на страницах газеты в рубриках «Корреспонденции» и «Областной отдел».

Обилие псевдонимов «Областного отдела» отличает газету «Архангельск» от местных периодических изданий, также публиковавших фольклорно-этнографический материал. Это может быть объяснено несколькими причинами. С момента своего появления газета «Архангельск» приобрела яркий политиче-

ский оттенок, открыто именуя себя кадетской. Она отстаивала свободу слова, право на собственное мнение в оценке событий, что было невозможным без сокрытия настоящих имен. Архангельская губерния была местом политической ссылки. Интеллигенция занималась здесь сбором данных по краеведению, этнографии. Публиковать материалы ссылкой было проще, скрываясь под маской псевдонима. Нередко авторами публикаций являлись и крестьяне, жившие в губернии, также использовавшие псевдонимы под влиянием моды.

На страницах газеты «Архангельск» нами было выявлено более 30 публикаций, посвященных календарной обрядности. Тематика этих материалов разнообразна, статьи чаще всего печатались по прошествии того или иного праздника либо в преддверии его, о чем свидетельствуют содержание и даты соответствующих заметок. Отмеченные публикации отличает не столько подробное описание праздников, сколько выражение критической авторской позиции по поводу описываемых событий отдельного уголка губернии.

Первая публикация в газете «Архангельск», посвященная народным праздникам – «канунам», датирована 26 ноября 1908 года. Автор статьи Павел Лысый [23, с. 1] дал описание древнего обычая празднования «канунов» как наиболее яркого и оригинального, состоящего из варки пива на артельных началах и «общего празднования». Автор объяснял происхождение обычая новгородским влиянием, так как для Новгорода было характерно объединение для устройства общего праздника нескольких человек в «братчины».

Павел Лысый приводит в статье сведения о бытовании «канунов» во время храмовых праздников в начале XX века в Архангельской губернии, ссылаясь на материалы П.С. Ефименко. В Пинежском уезде они праздновались отдельно в каждом селении, в Шенкурском уезде каждая отдельная деревня, а иногда две или три вместе (как часть селенья) имела свои особые «кануны». Однако приведенные публикатором в тексте статьи воспоминания старожилов о праздновании «канунов» свидетельствуют об угасании традиции варить пиво сообща в одном котле. Лишь в окрестных деревнях города Пинеги на 1908 год обычай празднования не подвергся изменениям, в Шенкурском уезде сохранились лишь символы «канунов»: празднование происходило одной-двумя деревнями, пивоварение осуществлялось отдельно каждой семьей. Праздники эти напоминали древние «кануны» только тем, что «в эти дни крестьяне несли в церковь пиво и домашнее печенье для общей трапезы после молебна» [23, с.1].

Название рассматриваемого праздника в начале XX века также изменилось, чаще его стали называть «поварками», которые приурочивались ко дню какого-либо святого. В некоторых местах губернии о бытовавшем когда-то обычае остались лишь воспоминания.

Материалы газеты, посвященные календарной обрядности, относятся к четырем циклам, соответствующим зимнему, весеннему, летнему и осеннему временам года. Зимние праздники составляют святочно-рождественский цикл. К нему следует отнести ряд публикаций 1908, 1911 – 1915 годов о праздновании Рождества Христова, Нового года, Святки [11, с. 4; 19, с. 2 – 3; 14, с. 4; 13, с. 3; 30, с. 4; 12, с. 4; 20, с. 3; 21, с. 3 – 4; 31, с. 4; 6, с. 3; 5, с. 4; 4, с. 4; 18, с. 6; 17, с. 4].

Обрядовые действия крестьян, сопровождавшие эти праздники, были направлены на привлечение успеха, удачи, благополучия на ближайший год.

Публикации о празднике Рождества Христова не содержат текстов, исполнявшихся христославцами. В них описываются случаи и события, определенные авторами как «из ряда вон выходящие». Для начала XX века недугом деревни стало пьянство [17, с. 4]. С Рождества в деревнях наступало самое пьяное время, сам праздник назывался крестьянами «выпивка». «Так и говорили, что столько дней осталось до выпивки, а от той выпивки до следующей» [4, с. 4]. Иронично обличал подобные недуги в своих статьях крестьянин В.А. Гладышев, 1833 года рождения, уроженец деревни Сергиевской Онежского уезда. Этот человек, писавший под псевдонимом Его, был одним из постоянных корреспондентов газеты. Им написано более 20 статей и заметок о праздниках, обрядах, приметах жителей Онежского уезда. Необычность выбранного псевдонима, тематика публикаций указывают на широкий кругозор В.А. Гладышева, его эрудицию, глубокие знания не только родного края, но также основ философии, латинского языка. Его заметки содержат много ценных сведений, а также отражают авторскую позицию по поводу описываемого. Он обладал глубоким чувством юмора, который нельзя не заметить в публикации «Христа славят» (1912 год) [6, с. 3]. По мнению корреспондента, главное «славление» Христа начинается в Мардинской волости после того, как, «прогаркав нечеловеческими голосами во всех домах деревни Рождественский тропарь, славельщики весь собранный хлеб продают и на вырученные деньги покупают вино... В результате каждое Рождество неизменно кончается побоищем и несколькими изуверченными христославцами. Так весело наши мужики встречают Рождество и святки, не умея придумать ничего лучшего» [6, с. 3]. В статье Гладышева «По-новому», датированной 1915 годом, отмечено небывалое и необыкновенное для деревни событие – полное отсутствие водки, благодаря чему праздник во всех деревнях прошел иначе: «Вместо прежних безобразных попок теперь мужики даже в святки занимаются работами, и перестали смотреть на праздники, как на повод к пьянству... Молодежь тоже святки проводит тихо и мирно, по-новому, без драк, побоищ и разгона вечеринку» [4, с. 3].

Публикаторы считали Святки самым интересным и веселым временем в жизни деревни. «Тишина деревни нарушается постоянной ездой на лошадях, удалой песней, взрывами смеха, криками и игрой гармоники» [5, с. 4]. Во всех крупных деревнях Онежского уезда устраивались вечеринки. Девиц в это время «тасовали», увозили в гости, на показ, как живой товар, в чужие деревни, а оттуда на смену привозили своих. Их делили на три разряда: дочерей зажиточных крестьян и наиболее красивых называли «славнухами», девушек среднего достатка и красоты называли просто «девками», а третьего низшего разряда называли «шютью» и «шантрапой». «Кавалеров» принято было также делить на три сорта: сыновей богатых отцов и хорошо одетых называли «форзунами», средних – «скандалистами», третий сорт молодых людей – мелкоту – также называли «шютью». Вечеринки во время Святки имели большое значение, поскольку под масками скрывались женихи, выбиравшие невест [5, с. 4].

Нами отмечены материалы, в которых фиксировались и календарные песни. Например, девушками во время Святков перед каждым домом хором исполнялись христославные песни, за которые хозяева награждали их калачами и деньгами, а также пелись «виноградия». Об этом писал П.В. К-ов в статье «Святки в деревне» [19, с. 3], где привел два текста «виноградий»: первый относится к «девушкам», адресован он молодым холостым гостям вечеров; второй текст представляет собой обращение к пожилым людям. Примечательно, что в газете лишь одна публикация посвящена «виноградиям», хотя этот жанр был распространен на севере.

Интересны, на наш взгляд, святочные обычаи Шенкурского уезда, представленные в газете в 1915 году А. Двинским [14, с. 4]. В новогоднюю ночь молодежь старалась загородить улицу, чтобы наутро по ней нельзя было проехать, для чего вытаскивались из снега бревна, доски, использовались сани и телеги, то есть все, что попадет под руку. Если автор статьи с осуждением описал этот обычай молодежи «пошалить и побезобразить», то купание в иордани в Крещение он считал интересным, поскольку, по мнению крестьян, купанием смывалась «чертова личина», или святочные грехи.

Праздник Крещения в Онежском уезде показан также В.А. Гладышевым в статье «Купание во льду» [2, с. 4]: тело каждого купальщика обматывалось полотенцем, за конец которого держал здоровый мужик, впоследствии называемый купавшимся «крестным отцом» как восприемник от купели. Мокрое белье купавшиеся непременно должны были высушить на своем теле, так как, по поверью, в этом случае им прощались грехи, совершенные в Святки.

Среди способов гаданий в Онежском уезде самым любимым было акустическое, которое заключалось в «слушании» на Новый год и на Крещение. Если гадающими слышалось громкое пение и звон колокольчиков, то это предвещало, что будет много свадеб; если у дома, где есть невесты, слышали плач, это означало заплачку¹ невесты, признак, что из этого дома «уйдет девица замуж»; слышались солдатские песни – возьмут парня в солдаты и так далее. Гадающие слушали также у гумна, как происходит молотьба, и по звуку шуршания зерна заключали, какой будет урожай. Публикатором В. Гл. [12, с. 4] приведены также и «страшные» способы гаданий при помощи домашних духов – банного и овинного.

К зимним праздникам относится Сретенье, отмечавшееся в начале февраля. В Чекуевском приходе Онежского уезда этот престольный праздник являлся самым шумным и многолюдным, поскольку сопровождался ежегодной «передвижной ярмаркой невест», которых в 1913 году было 190. Автором подробно описано великолепие убранства «передвижниц»-невест, их поведение во время праздника. Однако внимание акцентируется на третьем дне празднования. Проходило Сретенье «шумно, пьяно и весело», писал В.А. Гладышев. Нельзя не заметить в статье колкие замечания автора о «высокой культуре» народа, воспоминания о прошедших годах, когда «вечером третьего и в четвертый день между разными деревнями блуждали... лошади, теперь запрещенные в большие сани,

---

¹ Заплачка – причитание невесты в свадебном обряде.

из которых во все стороны торчали ноги покоящихся гостей и незнающих, откуда и куда они едут. Некоторые гости теряли своих лошадей, вывалились из саней, и такая лошадь забиралась кому-нибудь во двор или под въезд, а потом нашедшие ее отыскивали хозяев...» [7, с. 4].

Несколько заметок газеты, датированных 1913 – 1914 годами, было посвящено празднику Масленицы. В большей части сообщений высказывалась мысль о том, что теперь «от всего пышного ритуала Масляницы остались только короткие и бледные тени»: побоища, пьянство, скака стали ее атрибутами. До этого крестьяне называли Масленицу «славной боярыней», «красной красой, русской косой, тридцати братьям сестрой, сорока бабушкам внучкой, трех материной дочкой, язочкой, перепеночкой...» – такие сведения привел неизвестный автор этнографической заметки «Широкая Масленица», опубликованной в 1914 году [32, с. 2].

Публикатор, подписавшийся псевдонимом «Прохожий» из села Солза, считал Масленицу самым пьяным периодом в жизни деревни. Он писал: «Побоища и драки происходят здесь каждый день, скандалы и всевозможные дебоширства достигают своего апогея во время вечеринок, на которых пьют водку не только мужчины, но напиваются допьяна и молодые женщины... Пьют солзяне «до положения риз», пропивая решительно все свое добро... Если после Масляницы пройтись по деревне, то трудно встретить хотя бы одного крестьянина без синяков и кровоподтеков на лице» [27, с. 3 – 4]. Можно предположить, что автор заметки – ссыльный, делящийся своими наблюдениями за образом жизни местного населения. О том, что он родился не в селе Солза, свидетельствует и выбранный им псевдоним. Авторские сожаления об отсутствии в селе библиотеки, культурных учреждений, приведенные в кавычках народные выражения, употребление выражений типа «несет свои трудовые гроши в жертву Бахусу», «горе народное» позволяют предположить, что Прохожий – представитель интеллигентной среды.

Ростовский сообщил, что Масленица завершилась здесь хулиганской выходкой [28, с. 4], в Мезени во время праздника также не обошлось без драк [25, с. 4].

Иными эмоциями проникнута заметка «Масляница и горки» [3, с. 3] В.А. Гладышева (Его). Масленая неделя в Онежском уезде, по его мнению, проходила, как сплошной праздник и была зимой «самым «гулебным» временем». В.А. Гладышев писал: «Гуляют все, старые и малые зятя от 18 до 70 лет. Ездят «по блинам» к тещам; сваты ездят к сватам, кумовья к кумовьям. А молодежь к масляной неделе устраивает горки...». Катание продолжалось всю неделю перед постом. Примечательно, что автор указывает на строительство в некоторых деревнях двойных горок, то есть с обоих берегов реки: такие горки он считал самыми удобными: «скатившимся надо подняться на горку и в миг опять будешь на том берегу».

Цикл весенней обрядности представлен публикациями о Егорьевом / Юрьевом дне, Пасхе и Троице.

В газете за 1914 год опубликованы материалы Н. Бережанского – автора статей о праздновании Белой пасхи (Вербного воскресенья) [8, с. 3; 10, с. 2], Зе-

ленных святок (Троицы) в старину [9, с. 2]. Его статьи основаны на комментариях иностранных путешественников, приезжавших в Россию, в частности в Москву, поэтому не будем подробно останавливаться на этих статьях.

Предметом внимания публикаторов стал Егорьев / Юрьев день. 23 апреля – день первого выгона скота на пастбище. Святой Георгий известен как покровитель домашних животных, его часто называли «загонщиком скота» и даже «скотным богом». В некоторых деревнях Архангельской губернии лошадей в этот день купали и кропили водой. Корреспондент С. Рубенштейн в заметке «Юрьев день» [29, с. 4] сообщал о том, что в Холмогорском уезде хозяева не только окропляли, но и выгоняли скот на улицу, обходили вокруг него с иконой Святого Победоносца с зажженными свечами и веточками вербы в руках. Данные действия, по мнению крестьян, помогали защитить скот от несчастных случаев: болезней, удара молнии, нападения волков. В Холмогорском уезде в этот день имела место магия слова и действия. Пастух, обходящий стадо, читал заговор «от волка злого, хвори немощи и растрепы ведьмы...», кормил животных заговоренным хлебом. Исполнявшаяся хозяевами вечером того же дня «Юрьевская песня» несла ту же смысловую нагрузку:

«Уж ты, Юрий божок,

Паси мою корову,

Паси мою и телку,

Не давай вору волку...»

Песня исполнялась в вечернее время, когда скот сгонялся в стадо. Данный текст, представлявший собой обращение к святому, имел магическое значение. Крестьяне были убеждены, что Юрий решал судьбу скота: сколько пропадет и у кого из крестьян он погибнет. По представлениям жителей Холмогорского уезда, накануне Юрьева дня волки собирались в лесу к одному дереву, у которого появлялся Юрий, наставлявший их, как вести себя в течение года. Автором подробно описаны особенности празднования Юрьева дня в разных деревнях уезда, особое внимание уделено «северной части», где был распространен обычай «задобривать пастуха». В конце публикации С. Рубенштейном приведены многочисленные народные приметы, связанные с Юрьевым днем. Примечательно, что во всех текстах упоминается имя Егория, а не Юрия. Представленные в газете варианты празднования, многочисленные наблюдения автора позволяют предположить, что он был выходцем из крестьянской среды Холмогорского уезда.

По материалам публикатора Импульса [16, с. 4], в Мезенском уезде Егорьев день особенно торжественно праздновался в селе Смоленец. В этот день девушки надевали на голову повязки, украшенные жемчугом, яркие платья желтого и зеленого цветов и водили хороводы, сопровождаемые песнями:

«Уж ты, улка, ты улка моя,

Широка улка, не паханая,

Красна девица не смотренная,

Помоложе, не целованая...»

Однако на этом «торжественность» праздника заканчивалась. Автор замечает, сообщая о диких пьяных вакханалиях в селе Смоленец: «Бабы и девушки, взявшись за руки, с дикими песнями ходят по деревне и по временам заходят к кому-либо по дороге подкрепиться стаканом вина. Вечер всегда заканчивается дракой». Автора пугают цифры купленной в селе Смоленец водки за 1908, 1909

годы (300 и 224 ведра). В своей заметке он пытается предугадать, что будет в текущем году. Именно на это делается акцент в публикации, хотя спокойный, повествовательный тон и к концу текста не меняется.

О праздновании Троицы в Онеге на страницах газеты была напечатана заметка В.А. Гладышева «Вредный обычай» (1912 год) [1, с. 3]. Нелепым и вредным счел автор древний обычай в этот день украшать дома снаружи и внутри ветвями березы и цветами, поскольку по обычаю у каждого окна дома накануне праздника ставилось по одной срубленной березке. Через два дня (в Духов день) все березки бросали в реку, так как употребить их на дело считалось грехом. «После Троицы Онега бывает запружена плывущими березками, которые затем обсыхают по берегам. Вот почему ни в одной деревне по Онеге не найти березовой рощи в целом, не искалеченном виде» [1, с. 3]. Внимание автора сосредоточено не на описании праздника, а на атрибутах, его сопровождавших.

Летние праздники на страницах анализируемого издания представлены фрагментарно. Нами обнаружены некоторые комментарии по поводу празднования дня Ивана Купалы и Ильина дня в Шенкурском уезде. Корреспондент Максимыч – автор статьи «Немецкий» клад» [24, с. 4] отмечает утрату первоначального смысла многих старинных обычаев данной местности. Лишь праздник Ивана Купалы сохранил прежний оттенок таинственности, чего-то сверхъестественного, веру в цветение папоротника, целебное свойство росы, дающей физическую силу человеку и здоровье на год, а также веру в открытие в ночь на Ивана Купалу кладов. Автор приводит легенду о существовании в Шенкурском уезде клада, закопанного немцами во времена Петра I. Некоторые обнаруженные нами сведения о праздновании Ильина дня также относятся к Шенкурскому уезду. Например, Павлом Лысым (1908 год) описан крестьянский обычай на Целозере Шенкурского уезда в Ильин день закалывать нескольких общих баранов, мясо которых делилось среди участников праздника и съедалось после вечерни в церковной ограде. «Бараньи шкуры продавались и деньги тут же жертвовались в церковь, ноги же и головы отдавались причту» [23, с. 1]. «Диким обычаем старины» считал публикатор И.Б., традицию в праздник пророка Илии привозить и распивать пиво возле церкви села Шеговары Шенкурского уезда [15, с. 4]. Заметка написана автором, уехавшим из села в 1912 году, но надеявшимся на искоренение «дурного» обычая среди крестьян.

В газете за 1908 год в № 171 опубликована заметка «Праздничные «развлечения» [26, с. 2 – 3] жителей села Чухчерема Холмогорского уезда. По приведенным данным более двухсот лет в селе действовала деревянная девятиглавая церковь, построенная в честь святого пророка Ильи. В публикации жителем села (имя не указано) описывается ежегодно повторяющееся в Ильин день «гулянье-богомолье», завершающееся издевательствами пьяной «празднично-настроенной толпы» над нищими. Пьянки, драки сопровождали праздник, на который съезжались жители окрестных деревень. Автором подробно описаны истязания пьяного нищего, приведшие его к летальному исходу, что свидетельствует об утрате в селе Чухчерема прежних традиций празднования Ильина дня. Данную заметку выделяет из числа других фактографичность, отсутствие эмо-

циональных выражений. Нет в ней комментариев автора, его оценок по поводу описываемых событий.

Праздники осеннего периода в материалах газеты практически не представлены. Исключением является заметка неизвестного автора о дне Дмитрия Солунского, опубликованная в разделе «Корреспонденции» и повествующая о случае, произошедшем в Конецгорской волости Шенкурского уезда в 1908 году [22, с. 2]. По окончании полевых работ, в день Дмитрия Солунского, каждая хозяйка традиционно приносила в овин тарелку с горячими пирогами, приговаривая: «Дмитрий Солунский, ешь пироги, да овин береги». Последовавший ответ спрятавшегося в овине шутника: «Давай сюда!» напугал женщину, следствием чего явился переполох во всей деревне. Появление данной заметки было основано не желанием рассказать о празднике, а курьезной ситуацией, «выбившейся» из обычного течения жизни, о чем свидетельствует анекдотичный тип подачи материала.

Подведем некоторые итоги. На страницах газеты «Архангельск» за 1907 – 1916 годы наибольшее количество публикаций (более 30) посвящено календарной обрядности. Календарные праздники и обряды Онежского и Шенкурского уездов представлены более подробно по сравнению с материалами, присланными из Мезенского и Холмогорского уездов. Нами были выявлены разного рода публикации дореволюционного периода, посвященные календарным праздникам, всегда являвшимся неотъемлемой частью жизни народа. В статьях и заметках лучше освещены зимний (Рождество, Святки, Сретение) и весенний циклы (Масленица, Пасха, Егорьев / Юрьев день, Троица) праздников; летний и осенний – практически не представлены, за исключением некоторых комментариев по поводу празднования дня Ивана Купалы и Ильина дня. Отличительной чертой многих материалов является фактографичность, что подтверждается обилием имен, дат, указаниями мест произошедших событий, количеством приводимых примеров. Авторы пытались сопоставить особенности обрядов в разное время (раньше, во времена Петра I, и теперь). В центре внимания корреспондентов было необычное событие или явление, которое иногда являлось причиной публикации, например, пьянство, драки, сквернословие. Думаем, что некоторые авторы посредством публикаций в газете стремились привлечь внимание властей к таким явлениям в жизни деревни начала XX века, как пьянство, разбой.

События, описываемые в статьях и заметках, определялись публикаторами как особенно примечательные. Авторы материалов руководствовались не только желанием передать полезную информацию об особенностях празднования в месте их временного или постоянного проживания, но и стремлением посредством печати высказать свое отношение, часто возмущение и осуждение, по поводу описываемого. На наш взгляд, именно в статьях представителей интеллигенции чаще дается оценка произошедшего, высказывается авторское отношение. Часть публикаторов, являясь представителями крестьянской среды, писала о жителях своей деревни несколько отстраненно, оценивая их со стороны, довольно часто экспрессивно выражая свое мнение, о чем свидетельствуют побудительные конструкции предложений. Повествование является преобладающим спосо-

бом подачи материала крестьянами. Их публикации отличает обилие подробностей.

Примечания

1. *Его*. Вредный обычай // Архангельск. – 1912. – № 128 (8 июня). – С. 3.
2. *Его*. Купание во льду (Из Онежского уезда) // Архангельск. – 1913. – № 15 (18 янв.). – С. 4.
3. *Его*. Масляница и горки // Архангельск. – 1913. – № 46 (27 февр.). – С. 3.
4. *Его*. По-новому // Архангельск. – 1915. – № 7 (10 янв.). – С. 3 – 4.
5. *Его*. Святки (Из Онежского уезда) // Архангельск. – 1911. – № 289 (30 дек.). – С. 4.
6. *Его*. Христа славят (Из Мардинской волости Онежского уезда) // Архангельск. – 1912. – № 293 (30 дек.). – С. 3.
7. *Его*. Чекуевская ярмарка // Архангельск. – 1913. – № 36 (13 февр.). – С. 4.
8. *Бережанский Н.* Белая Пасха // Архангельск. – 1914. – № 72 (30 марта). – С. 3.
9. *Бережанский Н.* Зеленые святки (Троицын день) // Архангельск. – 1914. – № 115 (25 мая). – С. 2.
10. *Бережанский Н.* Пасха в старину // Архангельск. – 1914. – № 77. – С. 2.
11. *Бережанский Н.* Празднование Нового года в старину // Архангельск. – 1914. – № 1 (1 янв.). – С. 4.
12. *Гл. В.* Святочные гадания (Из Онежского уезда) // Архангельск. – 1914. – № 1 (1 янв.). – С. 4.
13. *«Горденко»*. Из Шенкурска (Как мы, горожане, живем) // Архангельск. – 1908. – № 13 (16 янв.). – С. 3.
14. *Двинской А.* Святочные обычаи (Из Шенкурского уезда) // Архангельск. – 1915. – № 4 (6 янв.). – С. 4.
15. *И.Б.* Село Шеговары Шенкурского уезда. Дикий обычай старины // Архангельск. – 1914. – № 160 (18 июля). – С. 4.
16. *Импульс*. Праздник «Егория». Мезенский уезд // Архангельск. – 1910. – № 91 (27 апр.). – С. 4.
17. *К.с.* Порог Онежского уезда. Недуги деревни // Архангельск. – 1914. – № 8 (11 янв.). – С. 4.
18. *К-в П.* Деревенские развлечения рождественского поста // Архангельск. – 1913. – № 269 (1 дек.). – С. 6.
19. *К-ов П.В.* Святки в деревне // Архангельск. – 1913. – № 290 (29 дек.). – С. 2 – 3.
20. *К-ов П.В.* Святки в деревне // Архангельск. – 1913. – № 291 (31 дек.). – С. 3.
21. *К-ов П.В.* Святки в деревне // Архангельск. – 1914. – № 4 (5 янв.). – С. 3 – 4.
22. Конецгорская волость Шенкурского уезда // Архангельск. – 1908. – № 222 (5 окт.). – С. 2.
23. *Лысый Павел*. Народные праздники // Архангельск. – 1908. – № 264 (26 нояб.). – С. 1.

24. Максимыч. «Немецкий» клад // Архангельск. – 1915. – № 147 (5 июля). – С. 4.
25. Мезень // Архангельск. – 1914. – № 57 (12 марта). – С. 4
26. Праздничные «развлечения». Село Чухчерема Холмогорского уезда // Архангельск. – 1908. – № 171. – С. 2 – 3.
27. Прохожий. Горе народное, с. Солза, Летний берег // Архангельск. – 1914. – № 40 (20 февр.). – С. 3 – 4.
28. Ростовский. Отголоски Масленицы // Архангельск. – 1914. – № 52 (6 марта). – С. 4
29. Рубенштейн С. Юрьев день. Холмогорский уезд // Архангельск. – 1910. – № 91 (27 апр.). – С. 4.
30. Святочные маскарады // Архангельск. – 1913. – № 10 (12 янв.). – С. 4.
31. Шамонтьев [Кирилловская волость Онежского уезда] // Архангельск. – 1915. – № 13 (17 янв.). – С. 4.
32. Широкая Масленица (Этнографическая заметка) // Архангельск. – 1914. – № 37 (14 февр.). – С. 2.

*А.В. Худякова,
аспирант, специальность «Фольклористика», ГОУ ВПО «Поморский
государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск*

Чудаки в устной народной прозе Пинеги

Назначением настоящей публикации является анализ устных рассказов жителей Пинеги, в которых повествуется о чудаках данной местности. Материал для работы был записан в Пинежском районе в 2008 – 2009 годах от респондентов в возрасте от 55 до 80 лет, являющихся местными жителями. При анализе текстов повествовательного фольклора мы обращались к трудам исследователей В.Я. Проппа, Ю.И. Юдина, Н.В. Дранниковой и других [4, 6, 2].

В жанровом отношении фольклорные тексты, содержащие элементы комического, могут быть отнесены как к устным рассказам, так и к анекдотам. Если рассматривать наши записи как жанр повествовательного фольклора, то в них преобладает установка на достоверность рассказываемого: исполнители указывали на место и время происходивших событий. Респонденты, как правило, сообщали о тех своих односельчанах, которые отличались от обычных людей, реже – о людях из соседних деревень, о которых они слышали от кого-то. Временные рамки повествуемых событий в рассказах ограничиваются воспоминаниями опрошенных, то есть их личным возрастом. Исследуемые рассказы также включают в себя жанровые признаки анекдота: их содержание строится на абсурдной логике, тексты обладают односюжетностью. Рассказы нашей коллекции близки к сюжетным типам, отмеченным в «Сравнительном указателе сюжетов. Восточнославянская сказка», – «О глупцах и простаках (пошехонцах)» (СУС 1200–1349) и «О дураках» (СУС 1675–1724) [5].

Персонажей анализируемых нами рассказов трудно назвать просто глупцами или дураками в прямом значении, так как их поступки не всегда являются по-